

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

UDC 903'1:905.5(470.5)
LBC 63.442.7(235.55)-427

Submitted: 10.09.2020
Accepted: 24.11.2020

**STONE KURGANS OF THE SOUTHERN URALS,
“IRENDYK-KRYKTYN GROUP OF NOMADS”
AND “SETTLED DOWN SAKO-SARMATIANS”**

Vitaliy N. Vasilev

Independent researcher, Bonn, Federal Republic of Germany

Abstract. Based on the available archaeological material, the article covers a number of issues related to the kurgans of nomads from the middle of the 1st millennium BC within the sub-mountain zone of the Bashkir Trans-Urals, embankments of which were built using stone. The author analyses the representativeness of archaeological records, provides typological and chronological attribution of the burial complexes. Previously these materials allowed to identify the “Irendyk-Kryktyn nomadic group” which existed in the considered landscape zone. According to the author, the investigated stone kurgans are divided into two groups. The first one might be dated back to the Saka Age (VII-VI centuries BC), the second one belongs to the Savromatian-Sarmatian period (not earlier than the mid of V-IV centuries BC). Within the existing chronology there is no explanation for the time gap between those periods. Hereby, this fact may indicate the presence of two culturally unrelated nomadic groups. The analysis of the archaeological material allows us to say that the signs of the burial rite, which are typical for the monuments of the foothill strip of the Bashkir Trans-Ural (Irendyk-Kryktyn group), are widespread far beyond this landscape zone, and are common for nomads who left stone kurgans in the steppe part of the region on both sides of the Ural Ridge. Furthermore, the author draws attention to the existing statement about the process of sedentarization of nomads of this region in the middle of the 1st millennium BC. The study of the source base on this issue shows that single finds of ceramic in “settlements” of nomads are their common locations. Settlement monuments in the mountainous Urals and steppe Trans-Urals, where few fragments of Kenotkel and Gafurian tableware were found, demonstrate the lack of dwellings, tools and remnants of handicraft production. This fact testifies to the temporary or episodic nature of the appearance of small groups of population at such monuments, and is not associated with nomads. Moreover, the sedentarization of nomads in the northern marginal zone is not confirmed by either historical or ethnographic sources. The article contains materials to supplement the archaeological records for studying issues related to stone kurgans.

Key words: stone kurgans, nomads of the 7th – 4th centuries BC of the South Trans-Urals, Irendyk-Kryktyn group of monuments, nomadic settlements of the South Urals, sedentarization, ethnographic parallels.

Citation. Vasilev V.N., 2020. Kamennye kurgany Yuzhnogo Urala, «irendyksko-kryktinskaya gruppa kochevnikov» i «osedayushchie sako-sarmaty» [Stone Kurgans of the Southern Urals, “Irendyk-Kryktyn Group of Nomads” and “Settled Down Sako-Sarmatians”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 129-152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

УДК 903'1:905.5(470.5)
ББК 63.442.7(235.55)-427

Дата поступления статьи: 10.09.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

**КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ ЮЖНОГО УРАЛА,
«ИРЕНДЫКСКО-КРЫКТИНСКАЯ ГРУППА КОЧЕВНИКОВ»
И «ОСЕДАЮЩИЕ САКО-САРМАТЫ»**

Виталий Николаевич Васильев

Независимый исследователь, г. Бонн, Федеративная Республика Германия

Аннотация. В статье на основании имеющегося археологического материала исследуется ряд вопросов, связанных с курганами номадов середины I тыс. до н.э. предгорной полосы Башкирского Зауралья, насыпи которых сооружены с применением камня. Автор анализирует представительность источниковой базы, дается типологическая и хронологическая характеристика погребальных комплексов, которые позволили в свое время выделить на их материале «ирендыкско-крыктинскую группу кочевников», существовавшую в рассматриваемой ландшафтной зоне. По мнению автора, исследованные каменные курганы делятся на две части, одна из которых относится к сакскому времени (VII–VI вв. до н.э.), другая – к «савромато-сарматскому» периоду (не ранее середины V – IV в. до н.э.), причем существующая хронология не в состоянии преодолеть временной разрыв между ними. Этот факт может свидетельствовать о наличии двух не связанных между собой в культурном отношении групп кочевников. Анализ материала позволяет говорить, что признаки погребального обряда, характерные для памятников предгорной полосы Башкирского Зауралья (ирендыкско-крыктинской группы), распространены далеко за пределами этой ландшафтной зоны, и являются общими для номадов, оставивших каменные курганы в степной части региона по обе стороны Уральского хребта. Кроме этого, автор обращает внимание на имеющееся утверждение о процессе седентаризации кочевников данного региона в середине I тыс. до н.э. Изучение источниковой базы по этому вопросу показывает, что единичные находки керамики на «поселениях» номадов являются обычными местонахождениями. Поселенческие памятники на территории горного Урала и степного Зауралья, где найдены немногочисленные фрагменты посуды кеноткельского и гафурийского типов, демонстрируют отсутствие жилищ, орудий труда и остатков ремесленного производства. Этот факт свидетельствует о временном или эпизодическом характере появления небольших групп населения на таких памятниках, и не связан с кочевниками. Более того, седентаризация номадов в северной маргинальной зоне не подтверждается как историческими, так и этнографическими источниками. В статье публикуются материалы, дополняющие источниковую базу для исследования вопросов, связанных с каменными курганами.

Ключевые слова: каменные курганы, номады VII–IV вв. до н.э. Южного Зауралья, ирендыкско-крыктинская группа памятников, поселения кочевников Южного Урала, седентаризация, этнографические параллели.

Цитирование. Васильев В. Н., 2020. Каменные курганы Южного Урала, «ирендыкско-крыктинская группа кочевников» и «оседающие сако-сарматы» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

В своей статье 1984 г. при публикации материалов двух каменных курганов из Гирьяла и Рычковки я предположил их этнокультурное различие от общего массива савромато-сарматских памятников, основываясь на ряде отличительных черт, и прежде всего на широком применении камня при сооружении насыпи [Васильев, 1984, с. 36]. Спустя несколько лет, публикуя результаты экспедиционных работ под руководством В.А. Иванова в восточном Оренбуржье, А.В. Фалалеев, напротив, не увидел в каменных курганах ничего необычного, подчеркнув ординарность рассматриваемого типа погребальных сооружений на фоне раннекочевнических памятников рассматриваемого региона [Иванов и др., 1989, с. 125–126]. С конца 90-х гг. прошлого века исследованиями каменных курганов Южного Зауралья занимается Н.С. Савельев, который выделил среди них особую, «ирендыкско-крыктинскую группу кочевников» (историографию вопроса см. ниже).

Настоящая работа посвящена введению в научный оборот неопубликованного материала и анализу существующей ситуации, связанной с этой проблемой.

Ивановский V курган

Находится в 3,5 км юго-восточнее с. Ивановка и 4,5 км северо-западнее с. Байгускарово Хайбуллинского района Республики Башкортостан на краю мысообразной, коренной террасы, образованной р. Тиргамыш и впадающим в нее безымянным ручьем (рис. 1, I–I). Курган раскапывался Ф.А. Сунгатовым 10–13 августа 1991 г. в рамках археологической экспедиции под руководством А.Х. Пшеничнока.

Диаметр каменной насыпи – 14 м, высота – 0,69 м, состоит из плитняка размером 0,4–0,7 м. Наличие какой-либо конструкции, по наблюдениям автора раскопок, не выявлено¹. В южной поле кургана, в бровке, зафиксирован частичный нахлест камней по панцирному принципу. Скорее всего, памятник подвергался ограблению (или попытке ограбления), о чем свидетельствуют несколько камней, покоящихся в наклонном положении в центре насыпи (рис. 1, 2).

На глубине 0,68 м от уровня современной поверхности, на погребенной почве, были найдены следующие вещи:

– развал глиняного сосуда черного цвета высотой 11 см, диаметром горла 7 см, с примесью шамота в тесте (рис. 2,2). Горшочек представляет собой, вероятно, миниатюрную копию кувшина с высоким каннелированным горлом [Васильев, 2004, с. 165, рис. 7,10]²;

– агатовая бусина эллипсоидной формы, молочного цвета с едва заметными поперечными прожилками.

Усть-Дергамышский курган

Расположен на вершине плоской горы, в 1,7 км к С от с. Федоровка, Хайбуллинского района Республики Башкортостан, в 1,3 км на ССВ от устья р. Тиргамыш (рис. 1,1–2). Раскапывался 20–22 августа 1998 г. Г.Н. Гарустовичем в рамках нашей совместной с ним экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН³.

Судя по плану, условный диаметр каменной насыпи составлял около 6 м, при высоте 0,3–0,4 м. К юго-западному сектору кургана примыкал небольшой «отросток» длиной 60 см и шириной 40 см, среди камней которого обнаружен тлен от кожи, вероятно позднего происхождения. Такой же тлен найден и в юго-восточном секторе кургана (рис. 2,1).

В центральной части кургана на уровне погребенной почвы, среди камней и верхних слоев заполнения южной части могилы, были найдены фрагменты от одного глиняного сосуда.

Контуры могильной ямы, размером 2,65 × 1,44 м, деформированные особенно в северной части ограблением и разрушением, выявлены по цвету на уровне материка. Размеры погребения на дне, на глубине 0,53 м от уровня материка, составляли 2,0 × 1,2 м, судя по которым могила имела овальную форму со скошенными ко дну стенками (рис. 3,1).

Сохранившиеся в неповрежденном состоянии берцовые кости дают основание предполагать, что скелет человека лежал вытянуто на спине, на органической подстилке коричневого цвета, головой на ЮЮЗ. В центральной части ямы найдены фрагменты тазовой кости и остатки кисти руки. Чуть выше предполагаемого левого колена обнаружено два бронзовых наконечника стрелы. В юго-западном углу могилы найдено три камня и несколько человеческих ребер.

Погребальный инвентарь

Глиняный сосуд имел раструбообразное горло, высоту 17 см и уплощенное дно диаметром 8,0 см. Орнаментирован под венчиком тремя горизонтальными резными линиями и тройным зигзагом (рис. 2,3). Цвет бежевый (песочный) снаружи и изнутри, в изломе – красноватый. В глиняном тесте примесь талька и шамота тальковых сосудов – черная шамотная крошка с блестками талька. Поверхность подлощена, у самого дна – два отверстия диаметром 0,5 см, просверленные уже в обожженном сосуде.

Наконечники стрел представлены двумя экземплярами, один из которых, длиной 3 см, имеет дуговидную головку и выступающую втулку, слегка деформированную бронзовыми окислами по граням и литейным швам. Второй наконечник – с внутренней втулкой и трехгранной головкой, длиной 2,2 см (рис. 3,2).

Датировка Ивановского V кургана хорошо определяется по форме глиняного сосуда. Горшки с прямым и каннелированным горлом, на мой взгляд, являются хронологическим репером для второй половины – конца IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 168; Васильев и др., 2019, с. 106]. Подобная форма керамики, вероятнее всего, восходит к джетыясарским сосудам второй группы, ручной лепки и горнового обжига [Левина, 1992, с. 66–68, 371, табл. 21,19,20,31]. Не исключено, что в ряде случаев мы имеем дело не с копиями, а оригиналами, которые кочевники рассматриваемого региона получали во время своих сезонных контактов с оседлым населением нижней Сырдарьи. Вполне вероятно, что одним из таких сосудов является экземпляр из погребения 5 кургана 9 Лебедевского V могильника, который был найден в комплексе с зеркалом типа 5.3, по классификации А.С. Скрипкина [Железчиков и др., 2006, с. 81, рис. 30,3; Скрипкин, 1990, с. 95]. Если в целом сосуды указанного типа помещены Л.М. Левиной в рамки хронологического периода I а – второй половины I тыс. до н.э., то находки аналогичной керамики в материалах этапа II чиркирабатской культуры позволяют установить более узкую дату – вторая половина IV – III в. до н.э., что собственно не противоречит моим выводам [Левина, 1992, с. 68].

Относительная дата Усть-Дергамышского кургана устанавливается по находкам наконечников стрел. Один из них, с выступающей втулкой, относится к типу VI по классификации К.Ф. Смирнова и характерен для колчаных наборов в широком диапазоне от VI до IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 47]. На более точную датировку указывает второй экземпляр, вероятно, соответствующий типу XIV, отдела трехгранных наконечников, по классификации того же автора, относящийся, скорее всего, ко второй половине – концу IV в. до н.э. Аналогичные наконечники были найдены в комплексах этого времени: кургана 13 Ново-Кумакского могильника, кургана 8 Ушкаттинского I могильника и Ново-Мусинского 3 кургана [Смирнов, 1977, с. 16–18; Ушаков, 2013, с. 69, рис. 4; Васильев, Сиротин, 2004, с. 177, рис. 3,2].

На мой взгляд, не противоречит этой дате и такой элемент керамического орнамента, как многорядовый – тройной или двойной зигзаг, нанесенный прямым штампом. Аналогичный орнамент можно видеть на горшке из погребения 2 кургана 25 Ново-Кумакского могильника, датированного временем не позже конца IV в. до н.э. [Мошкова, 1972, с. 37, 44, рис. 5,7]. Определенно, к концу IV до н.э. можно отнести сосуд, включающий в состав своего орнамента двойной зигзаг, нанесенный при помощи той же техники, из кургана Темир [Васильев, 2004, с. 161]. Горшок с тройным зигзагом, как одним из элементов орнамента из Ишкулово-5, был датирован IV в. до н.э. [Савельев, 2019а, с. 58].

В свое время, как уже говорилось выше, топографические, планиграфические и архитектурные особенности позволили Н.С. Савельеву обосновать правомерность объединения каменных курганов предгорной полосы Южного Зауралья «в особую «ирендыкско-крыктинскую» группу кочевников середины I тыс. до н.э.» [Савельев, 2006а, с. 80–82]. Для того чтобы определить, насколько аргументировано такое выделение, необходимо рассмотреть особенности источниковой базы и убедительность группобразующих признаков⁴.

Из «около 30»⁵ раскопанных курганов, составляющих источниковую базу по исследованию рассматриваемого района, можно выделить три хронологические группы.

В раннюю, бобровско-гасмолинскую, VII–VI вв. до н.э., входят два кургана из могильников Давлетшино (курган 1) и Целинный, материал которых, по мнению А.Д. Таирова, отражает связи кочевников Южного Зауралья с саками Приаралья [Таиров, 2017, с. 101–102, 242–244].

Вторую хронологическую группу, не ранее середины V – начала или первой половины IV в. до н.э., составляют курганы Сагитово III (курган 1), Давлетшино (курган 2), Юмаш-тау-4 (курганы 1 и 2), Давлетово III (курган), одиночный Тепяновский курган, одиночный курган Гадельша III, Гадельша IV (курган 1), Манхар-1, Манхар-2, курган Кушалыкуак-1⁶, одиночный курган Чебаркуль I [Рафикова, Федоров, 2017, с. 98] и Валитово-3 (курган 0)⁷.

Определенно серединой или второй половиной – концом IV в. до н.э. датируются курганы третьей хронологической группы – Исянбетово (курган 1), Ишкулово 5, одиночные Усть-Дергамышский и Ивановский V курганы.

Эта периодизация принципиально не отличается от датировки Н.С. Савельева [Савельев, 2000а, с. 33; 2000б, с. 43–44; 2006а, с. 82; 2006б, с. 101; 2015б, с. 253; 2019а, с. 58]. Но справедливости ради, необходимо добавить, что курганы Сагитово, Усть-Дергамышский и Ивановский V не имеют отношения к хребту Ирендык, южная часть которого заканчивается на широте устья р. Бузавлык.

Кроме этого, следует отметить, что из восьми раскопанных Н.С. Савельевым курганов полностью были опубликованы только Кушалыкуак-1 и Ишкулово-5. Такие памятники, как Юмаш-тау-4, Манхар-1, Манхар-2, введены в научный оборот лишь частично, а про упоминавшиеся в литературе курганы Майлыбай-2 и Семеновский-6 вообще ничего не известно. В сущности, о них можно было бы и забыть, но неоднократное упоминание Н.С. Савельевым рассматриваемых комплексов в своих последующих работах, посвященных этой теме, в качестве группобразующих памятников, и в прежнем публикационном статусе, позволяет ставить вопрос о соответствии подобных работ таким критериям научности, как эмпирическая проверяемость и достоверность материала.

Рассуждая об этнокультурной принадлежности рассматриваемой группы памятников, Н.С. Савельев пришел к выводу о том, что ее носители являются отдельной родоплеменной группой сакского происхождения [Савельев, 2000а, с. 37] бобровско-тасмолинского этапа культуры ранних кочевников Южного Зауралья [Савельев, 2000б, с. 48]. По мнению автора, в Южном Зауралье в VI–V вв. до н.э. существовали два культурных мира – «сакский» и «савромато-сарматский», занимающие соответственно горно-степную и степную части региона [Савельев, 2006а, с. 83]. О том, что горно-степная группа кочевников не была однородной, по всей вероятности, свидетельствуют материалы кургана Кушалыкуак-1, истоки погребального обряда которого уводят на восток «к населению Саяно-Алтайского нагорья раннескифского времени» [Савельев, 2006б, с. 103].

Однако уже в 2015 г. Н.С. Савельев на основании совместных находок в кургане 2 могильника Улек-Хазы-1⁸ V в. до н.э. гафурийского сосуда и керамики с примесью кварцевой дресвы заключил, что кочевники Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э. являлись носителями кеноткельского типа керамики [Савельев, 2015б, с. 253]. По мнению автора этого умозаключения, совместное нахождение таких сосудов в погребениях ирендыкско-крыктинской группы, на примере кургана Манхар, дело обычное и почти заурядное, однако это не совсем так. Я бы сказал, что это совсем не так⁹. Из всех представленных к анализу памятников рассматриваемой ландшафтной зоны [Савельев, 2006а, с. 80] такой факт зафиксирован лишь однажды, в ограбленном и не имеющем статуса закрытого комплекса кургане Кушалыкуак-1 [Савельев, 2006б, с. 98]. Кроме этого, просто дресва (неизвестно какая) в тесте сосуда 3 фигурирует в материалах Тепяновского кургана [Савельев, 2000а, с. 23].

Ну и наконец, список сакских памятников пополнился такими комплексами, как Новотроицкий-1, Черемуховый овраг, Шаншар, Гумарово, Тупаково-2, Янтышево и Макан-1 [Савельев, 2015б, с. 248, рис. 1]. Если три первых кургана по всем параметрам можно отнести к бобровскому этапу, то саргаринский Макан-1 ни хронологически, ни территориально не по-

падает в эту группу [Гарустович, 2000]. Янтышевский курган (Янтышево-2), судя по описанию Р.Б. Исмагилова и Ф.А. Сунгатова, был ограблен (разрушен) в 2007 г. и даже не доисследовался [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 57–58]. Материал середины V – начала IV в. до н.э. хранится в местной школе, погребальный обряд не известен и не может быть привлечен в качестве источника для этнокультурных реконструкций.

Здесь необходимо уточнить, что к ирендыкско-крыктинской группе относятся только Улек-Хазы-1 и Тупаково-2, которые, как и все остальные названные курганы (не входящие в эту группу), по мнению Н.С. Савельева, являются доказательством существования одного культурного комплекса погребальных и поселенческих памятников (Улак-6, Майлыбай-1, Улек-Хазы-2, Лаимберды-5, Новокумакское II), объединенных единой раннесакской гончарной традицией [Савельев, 2015б, с. 252–253].

Анализ материала показывает, что комплексы бобровско-тасмолинского времени из погребения 5 кургана 2 Черемуховый овраг¹⁰ и Новотроицкий-1 [Бытковский, 1998, с. 120–121] вообще не содержат керамики¹¹, а посуда из других рассматриваемых памятников, которая якобы должна объединить погребальные и поселенческие комплексы Южного Зауралья, не имеет ничего общего с сосудами кеноткельского типа.

Это замечание относится, прежде всего, к могильникам Гумарово и Валиново-3, принадлежность которых к сакскому миру далеко не очевидна, а их связь с памятниками бобровско-тасмолинского времени имеет серьезное препятствие в виде хронологического разрыва от 50 до 100 лет. Скорее всего, на примере этих комплексов мы имеем дело с особенной группой номадов V–IV вв. до н.э., которые оказались втянуты в орбиту влияния восточных «савроматов» и были интегрированы не только в их материальную и духовную культуру (абсолютное единство типов оружия, зеркал, жертвенников и ложечек), но и хозяйственно-кочевую систему, в плане сезонных передвижений к зимним пастбищам в юго-восточном Приаралье. Можно предполагать, что такая интеграция произошла на раннем этапе культурогенеза в первой половине

V в. до н.э. в процессе освоения степной зоны Южного Урала, поиска, стабилизации кочевых маршрутов и распределения летних пастбищ между родоплеменными подразделениями. Впрочем, этнокультурная ситуация вокруг кочевников савроматского времени (стадия В по А.Д. Таирову) и без этого остается чрезвычайно сложной за счет смешения в рассматриваемом регионе различных групп пришлого населения [Таиров, 2004; 2006, с. 76–77; Гуцалов, 2011, с. 95].

Для выделения ирендыкско-крыктинской группы памятников Н.С. Савельев определил семь признаков, из которых первые четыре, поисковые, должны стать группообразующими: топография, состав могильников, внекурганые конструкции и архитектура насыпей [Савельев, 2006а, с. 80–81].

Однако профессиональный подход к исследованию показывает, что топографический фактор должен быть выведен из их числа, поскольку он является универсальным для кочевнических курганов, как для заданных географических рамок, так и вне их, причем вне зависимости от культурной принадлежности. Так, например, на вершине каменистой горы расположены позднесарматские Хворостяньские курганы, а Байгускаровский II одиночный курган конца XIV в. – на вершине коренной террасы р. Тиргамыш [Иванов и др., 1989, с. 120; Сунгатов, Сафин, 1995, с. 58] в 3,5 км юго-восточнее от публикуемого Ивановского V кургана. Здесь необходимо обратить внимание на высказывание Н.С. Савельева, что в южной части Ирендыка, где сосредоточены памятники с каменными насыпями, «полностью отсутствуют классические “савромато-сарматские” земляные курганы» [Савельев, 2003, с. 16], что не соответствует действительности. Так, в 6,5 км к СЗ от Ивановки V, находятся известные земляные Ивановские I курганы, в 5,5 км к ССВ – Яковлевские, в 5,5 км на ВЮВ – Переволочанские.

Таким образом, совершенно очевидно, что топографические признаки автоматически нивелируют и обесценивают последующие, которые, по мнению Н.С. Савельева, должны указать на принадлежность нераскопанных курганов к ирендыкско-крыктинской группе, и тем самым создать видимость увеличения их скромного на самом деле количества. Если

не обращать внимания на фантазии автора по поводу внекурганых конструкций (выкладки рядом с курганами), происхождение, назначение и хронология которых неизвестны, выступающие камни в «архитектуре» насыпей, которые «могут быть интерпретируемы, как стелы» (а могут, как известно, и нет), верхушки каменных ящиков на поверхности курганов (которые при раскопках могут оказаться и не ящиками), то все оставшиеся особенности так же являются универсальными для восточной части савромато-сарматского мира. Причем это замечание относится и к другим показателям: каменные крепиды (хорошо известны как в Приуралье, так и Зауралье), сожжение деревянных конструкций, находки в насыпи и т. д.

В целом к основным признакам погребального обряда ирендыкско-крыктинской группы я бы отнес каменные «склепы-мавзолеи»¹², каменный ящик и формы могил.

Склепы встречены в двух случаях¹³ – это Тулубай и, скорее всего, курган 0 могильника Валитово-3, причем в обоих случаях каменные конструкции были перекрыты земляными насыпями [Исмагил, Сунгатов, 2009, с. 118, рис. 1,А; 2013, с. 61, рис. 33,2]. Имеющийся материал позволяет говорить, что склепы рассматриваемого типа не являются эксклюзивным признаком рассматриваемой группы памятников. Так, например, аналогичное сооружение, предназначенное для одного человека, высотой 0,5–0,6 м было исследовано в кургане 1 могильника Урус-Кескен-2 экспедицией В.А. Иванова в бассейне р. Суундук на востоке Оренбургской области [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 53–54, рис. 23,2].

Каменный склеп овальной формы, высотой 1,25 м, был обнаружен под земляной насыпью во время раскопок кургана 6 могильника Сапибулак на р. Тамды (бассейн верхнего Илека), причем авторы публикации совершенно справедливо отметили его сходство как с курганом Тулубай [Мамедов, Китов, 2015, с. 51], так и с аналогичными памятниками северного и западного Устюрта типа Тасастау-1 и Терен [Онгарулы и др., 2017, с. 22–33, рис. 26, с. 39–41, рис. 52], которые маркировали пути движения кочевников на Мангышлак и южнее, где располагались их зимние кочевья. Здесь, вблизи восточного побережья Кара-

Бугаза, каменный склеп круглой формы, не ранее середины IV в до н.э., известен как сооружение 1 в могильнике Джанак II [Мандельштам, 1976, с. 24, рис. 4–5]. В Южном Приуралье, по данным Р. Исмагила и Ф.А. Сунгатова, известна еще одна аналогичная каменная конструкция под земляной насыпью в кургане 2 группы Юрматы-1, где было исследовано погребение с конем [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 28, рис. 5,7].

Наиболее распространенной формой погребений в ирендыкско-крыктинской группе курганов кочевников, как показывает материал, составляющих источниковую базу, являются простые и неглубокие могилы с вертикальными или сужающимися ко дну стенками (Давлетшино, курган 2; Исянбетово, курган 1; Мунтаево; Гадельша III; Гадельша IV, курган 1; Давлетово III; Юмаш-Тау-4, курганы 1 и 2; Манхар-1 и возможно Манхар-2?; Ишкулово-5; Чебаркуль I; Усть-Дергамыш; Валитово-3). Публикации новых данных по этой теме ненамного увеличили количество каменных курганов с рассматриваемыми признаками обряда – это курганы 1–3 могильника Валитово-2 и Тупаково-2 [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 59–60; Рафикова, Федоров, 2017, с. 62]. Подсчет комплексов, характеризующихся простой формой могил, и сравнение их с известными каменными курганами, расположенными вне изучаемой территории от оз. Жетыколь на востоке до д. Рычковка на западе, показывает, что и этот признак не является исключительным показателем ирендыкско-крыктинской группы могильников [Васильев, 1984, с. 34–35, рис. 2,7; Иванов и др., 1989, с. 120, 123, рис. 1,4,7].

Необходимо сказать, что Н.С. Савельев упоминает еще такую форму могильных ям, как глубокая катакомба. Возможно, она была обнаружена в курганах Майлыбай-2 или Семеновский-6, однако я не должен гадать, где она была исследована. Если материал недоступен для работы, то имеются все основания игнорировать этот факт.

Кроме перечисленных признаков погребального обряда в ирендыкско-крыктинской группе, было исследовано два кургана, не имеющих следов погребения – Тепяново и Ивановка V. Сейчас можно предполагать лишь два варианта похоронного ритуала для этих комп-

лексов: в первом случае погребения были совершены на уровне древнего горизонта (а под каменными и незадернованными насыпями кости часто не сохраняются), или погребений не было вообще. В любом случае и такие признаки не являются группообразующими, так как они известны среди курганов верхнего Суундука. Так, например, аналогичный комплекс представлен материалами кургана 1 Аландского I могильника [Мошкова, 1961, с. 115–125].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что единственным памятником, обладающим оригинальными признаками, резко отличающими его от других каменных курганов, является Кушалыкуак-1, который и определяет особенности ирендыкско-крыктинской группы курганов кочевников. Вполне вероятно, что если исследовать подобные памятники (а они, по словам Н.С. Савельева, имеются, но только не раскопаны) хотя бы со скоростью один курган раз в пять лет, то к концу текущего столетия действительно появятся основания для выделения рассматриваемой группы. Все остальные курганы, фигурирующие в этом исследовании, ничем не отличаются от других подобных памятников, расположенных по р. Урал и его притокам – Ургазе, Сакмару, Суундуку, Ори и Илеку, и являются составной частью обширного савромато-сарматского мира. Нет никаких веских причин рассматривать их отдельно и тем более видеть в них неких «изолятов», которые были «законсервированы» горно-долинным ландшафтом [Савельев, 2003]. Скорее всего, автор забыл, что имеет дело не с оседлым населением, а с кочевниками, которые находились в постоянном движении.

Общеизвестно, что курган (курганы) являлся не только погребальным памятником, но и правовым маркером контролируемой территории определенного кочевого линиджа. Однако это вовсе не означает, что такой маркер был единственным на пути кочевого маршрута, и номады одной и той же группы не имели возможности пасти скот вне его зоны¹⁴ по традиционной летней схеме: лошадей в радиусе 8–10 – 12–15 км от водного источника, а овец – 3–5 км [Масанов, 1995, с. 109]. Реальные границы кочевий проходили за десятки и сотни километров от родо-

вых «герросов», а транспортировка умерших членов кочевой патронимии к месту погребения не являлась большой проблемой и за 150–200 км, так как это расстояние легко преодолевалось степной лошастью в течение суток (мировой рекорд 1956 г. для коня адаевской породы – 360 км). Не исключено, что поза «всадника» погребенного человека является последствием именно такого способа перемещения трупа.

Вполне вероятно, что в засушливые годы степное население эпизодически использовало ограниченные биоресурсами горные (холмистые) долины рассматриваемого региона в качестве дополнительной кормовой базы, но в любом случае в сентябре – октябре кочевники были вынуждены возвращаться на зимние пастбища, а это значит, что ни о какой изоляции не может быть и речи.

Согласно существующей и общепринятой научной парадигме, обоснованной комплексом археологических, исторических и этнографических источников, степное население Южного Урала, в том числе оставившее каменные курганы, проживало на этой территории лишь 5–6 месяцев в году и с наступлением холодов откочевывало на постоянные зимние пастбища. Правда, в последнее время Н.С. Савельев на основании сходства керамических комплексов пытается доказать, что номады рассматриваемого региона (или их часть) переходили к оседлости в районе гафурийских городищ в Приуралье [Савельев, 2017, с. 26], и имели поселения типа Улек-Хазы-2 в Зауралье [Савельев, 2007]. Дополнительным аргументом в пользу приуральского вектора седентаризации, судя по всему, должны стать поселенческие памятники горнолесной зоны [Савельев, 2015а] ¹⁵. Впрочем, сам автор интерпретирует рассматриваемые комплексы как кратковременные охотничьи стоянки, не объясняя ни причин изменения характера традиционной для кочевников обильной, степной охоты, ни причин освоения ими этой специфической ландшафтной зоны Южного Урала. Можно, конечно, допустить наличие у них пушного промысла, но охота за «мягким золотом» осуществлялась только в зимние месяцы, а в это время, как известно, кочевники находились на своих кстау, вне пределов данного региона.

По мнению Н.С. Савельева, номады филипповско-переволочанского типа (круга) заселили эту территорию, двигаясь как из Южного Приуралья, «прямо через горы», так и «широким фронтом с территории Сакмаро-Таналыкской степи по долинам рек и водораздельным плато», и вели комплексное скотоводческо-охотничье хозяйство [Савельев, 2015а, с. 75]. Однако такое движение ни по «фронтам», ни по «флангам» невозможно при кибиточном способе кочевания ¹⁶, а любой тип хозяйства требует погребальных комплексов, как правового маркера на данную территорию. Отсутствие таких памятников лишний раз доказывает, что горно-лесная зона не могла быть и не являлась местом летних кочевков рассматриваемого населения. Впрочем, сама идея преодоления никому не нужных препятствий в широтном направлении была лишена смысла, при условии, что проникновение как в Приуралье, так и Зауралье осуществлялось менее оригинальным способом, по традиционным маршрутам с юга на север.

Поселение (вероятно, кратковременную стоянку) Улек-Хазы-2 по керамическим аналогиям Н.С. Савельев связывает с такими памятниками Центрального и Северного Казахстана, как Кеноткель X, Таскора, Таскора-1, Едирей и другие, полагая, что она принадлежит кочевникам раннесакского времени [Савельев, 2007, с. 98], однако это «эпохальное» открытие выглядит методологически уязвимо.

Дело в том, что перечисленные памятники находятся в совершенно другой ландшафтной зоне, и в отличие от Южного Урала располагаются в местах традиционных кочевых зимников, где существование поселений со стационарными жилищами, в том числе каменными, выглядит вполне естественно и теоретически безупречно. Кроме того, керамический материал этих памятников демонстрирует переход от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку [Хабдулина, 1994, с. 66–67; Бейсенов, 2016, с. 147–148], что, впрочем, не означает коренного изменения хозяйственного уклада и перехода населения от оседлости к кочевому скотоводству.

Предположение А.З. Бейсенова о том, что поселения сакского времени Восточной Сарыарки являются остатками зимников постдонгальского кочевого населения [Бейсенов,

2016, с. 151; 2018, с. 394], имеет серьезный контраргумент в виде отсутствия кеноткельской керамики в погребениях ранней тасмолы. Более предпочтительной и логически стройной выглядит точка зрения А.Д. Таирова, согласно которой поселения сакского времени Восточной Сарыарки были оставлены немногочисленными автохтонными группами, потомками племен эпохи бронзы и ведущими оседлый образ жизни [Таиров, 2017, с. 39]. По его мнению, это население сосуществовало с кочевниками VII–V вв. до н.э., которые использовали данную экосистему в качестве своих кстау.

Если говорить о степи и лесостепи Южного Урала, то она традиционно рассматривается исследователями, как места летних кочевий, где круглогодичное содержание скота на подножном корму невозможно. Учитывая интенсивный ритм летнего кочевания, появление и строительство здесь стационарных поселений не являлось необходимостью и было лишено всякого смысла. Между тем установлено, что седентаризация номадов происходила именно в орбите кстау-кочевий и была детерминирована минимальной амплитудой передвижений и близостью земледельческих оазисов. Так, по мнению Н.А. Гаврилюк, оседание и переход к земледелию у обедневших скифов происходили на зимних пастбищах [Гаврилюк, 2005, с. 99], об оседании кочевников на «зимних убежищах» пишет Г.А. Федоров-Давыдов, а постепенный переход к оседлости на зимниках ахтубинской поймы прослеживается и у обедневших кочевников XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 202; Ракушин, 2006, с. 222]. Наблюдатели казахов начала XIX в. сообщают, что «земледелие имело известное распространение только на южных границах степей...» [Марков, 2010, с. 140].

В этом случае, по аналогии с казахскими кочевыми маршрутами, такого объединения Младшего жуза, как алимулы и частично жетыру, места и следы зимовок-поселений «савромато-сарматских» племен следует искать на Эмбе, песках Барсуки и Каракумы, низовьях Амударьи и Сырдарьи, северо-западному побережью Аральского моря [Масанов, 1995, с. 62–63]. По мнению В.Н. Ягодина, кочевники Южного Урала располагали свои

могильники (Дэвкескен-3, Дэвкескен-4, Каскажол, Казы-баба 1, 2, Сызлыгуй) в южной части юго-восточного выступа Устюрта, перед выходом на зимние пастбища в дельте Амударьи. Именно в этом месте находился естественный проход, ограниченный «неприступными чинками» и выводящий не только к зимникам, но и к хорезмийским оазисам, которые рассматривались номадами как рынки сбыта скотоводческой продукции [Ягодин, 2008, с. 117].

Возвращаясь к Улек-Хазы-2, можно предполагать, что памятник был оставлен малочисленной группой оседлого населения, связанной своим происхождением с племенами Сарыарки постдонгальского времени. Скорее всего, мигранты заняли освободившуюся после исчезновения саргаринцев привычную для них степную экологическую нишу. Количество памятников (Улек-Хазы-2, Майлыбай-1, Улак-6, Новокумакское II), а самое главное, мизерное количество материала (судя по фрагментам около 17 сосудов), заставляет предположить, что судьба населения, производившего керамику с жемчужным орнаментом, оказавшегося в открытой степи на пути кочевых маршрутов, была очень короткой и не оставила заметного следа в этнокультурной истории Южного Урала.

В любом случае выводы, сделанные Н.С. Савельевым, следует считать преждевременными, а статус самого комплекса неопределенным, поскольку керамический материал, состоящий из 27 фрагментов керамики (из которых только 2 орнаментированных венчика), нельзя назвать представительным, характер их попадания в слой неясен, следы производственной деятельности (мотыги, зернотерки) не найдены, хронологические позиции расплывчаты, архитектурные особенности (наличие стационарных построек и их типы) неизвестны. Все это говорит о том, что для опровержения аксиом теоретического номадизма необходимы масштабные полевые исследования, а материалы раскопов типа «шурф» и траншея площадью 5 м² не смогут преодолеть фактор случайности и перейти к тенденции закономерности. Вышесказанное в полной мере относится и к другим памятникам, содержащим единичные находки аналогичной керамики – Лаимбер-

ды-5, Майлыбай-1 и комплекс Улак-6, Новокумакское II¹⁷ [Савельев, 2015б, с. 246–253; Бытковский, 2013, с. 19–21].

Применительно к Южному Приуралью, по мнению Н.С. Савельева, «к середине – концу IV в. до н.э. фиксируется оседание части приуральских кочевников в предгорном правобережье Белой...» [Савельев, 2019б, с. 40]. Если этот процесс обозначен только сходством керамики, то еще никто не определил, какая часть посуды была изготовлена, собственно, в самой кочевой среде¹⁸. Общеизвестно, что ремесло, и в частности гончарство, у кочевников не выделилось в самостоятельную сферу производства [Крадин, 1992, с. 73]. Так, например, у печенегов и половцев следов керамики почти нет [Федоров-Давыдов, 1966, с. 197–198], отсутствует глиняная посуда собственного производства у кыпчаков Южного Урала XII–XIV вв. [Иванов, Кригер, 1988, с. 16], аналогичная ситуация наблюдается и у этнографических кочевников [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 9]. Можно уверенно говорить, что если часть керамики номады рассматриваемого региона получали в результате контактов в маргинальных зонах¹⁹, посредством торгово-обменных операций, то она не может являться для них культурным индикатором²⁰. Других ощутимых признаков «фиксации» оседания пока не существует и никаких сарматских могильников на этой территории не найдено²¹, хотя использование правобережья р. Белой в качестве пастбищных территорий вполне допустимо²². Однако, поднимая данный вопрос, автор не объяснил причину этого оседания, а она должна быть более чем серьезной²³. Седентаризация номадов – процесс для них всегда вынужденный, болезненный, происходивший под влиянием различных экстремальных факторов (массовый голод, военная угроза, поиски убежища), который в рассматриваемый период (вторая половина IV в. до н.э.) мы не наблюдаем, но напротив, фиксируем расцвет культуры кочевников Южного Урала. В этой связи гораздо логичнее и правомернее предполагать, что оседлое население гафурийских городищ предоставляло номадам продукцию своего ремесленного производства от керамики до металла, тем более, что такие формы взаимодействия кочевого и оседлого населения засви-

детельствованы в археологических и исторических источниках на примере сюнну, сяньби и др. [Крадин, 1992, с. 59–60; 2007, с. 127].

Скорее всего, прав В.А. Иванов, реконструируя этнокультурную ситуацию на правобережье Средней Белой, без участия кочевников, но при сильном влиянии «зауральско-западно-сибирских угров» [Иванов, 2017, с. 51, 54], которым не нужно было адаптироваться к привычной ландшафтной зоне при наличии имеющихся у них ремесленных навыков.

В целом, подводя итог вышесказанному, необходимо выделить несколько моментов:

1. Памятники бобровско-тасмолинского типа следует рассматривать отдельно от основной массы каменных курганов V–IV вв. до н.э., так как их объединение не может преодолеть имеющийся между ними временной разрыв, особенно при существующей и далеко не совершенной хронологии периода VI–V вв. до н.э. Можно лишь предполагать, что население, оставившее эти памятники, появилось в степях Южного Урала одновременно с кочевниками «савроматского» круга, в первой половине – середине V в. до н.э., сосуществуя и взаимодействуя с ними в сфере духовной и материальной культуры, сохраняя при этом свое отличие (возможно, социальное, этническое или религиозное). Прямое отождествление рассматриваемой группы кочевников с носителями тасмолинской культуры не бесспорно и преждевременно, а проблема истоков ее происхождения нуждается в дальнейшем изучении и накоплении материала.

2. Никакой ирендзыкско-крыкитинской группы «кочевников» не существует, а ее появление обусловлено стремлением Н.С. Савельева таким вот образом обозначить в археологической литературе весьма скромное количество раскопанных им лично, или под руководством А.Ф. Яминова, не имеющих резонансного значения курганов.

3. Появление керамики «гафурийского» типа в погребениях кочевников Южного Урала было детерминировано исключительно сезонными связями с оседлым населением маргинальных зон, имеющим профессиональные гончарные традиции. При этом такая посуда не является для номадов культурным признаком, как, собственно, и та, которую они получали в результате торговли или обмена на

южных границах своих ареалов. Исходя из этого, памятники горного Урала, содержащие подобную керамику, следует связать с оседлым населением, которое ее и производило, независимо от самого характера таких памятников. Немногочисленные стоянки являются скорее квазифакториями, маркирующими специфические охотничьи или металлургические маршруты.

4. Желание Н.С. Савельева видеть в населении «гафурийских» городищ оседающих кочевников можно только приветствовать, однако очень слабое теоретическое обоснование, тенденциозность и отсутствие внятной археологической аргументации в его исследованиях, к сожалению, не дают такой возможности.

5. Появление в Южном Зауралье небольшой группы оседлого населения, носителей керамики кеноткельского типа, носило миграционный характер, вероятно, связанный с культурогенетическими процессами на территории Казахского мелкосопочника в начале эпохи раннего железного века. Судя по количеству материала, существование этой группы было очень коротким по времени, а характер памятников, которые она оставила, пока не ясным, и по своим масштабам совершенно несопоставимым с поселениями Сарыарки.

6. Участие кочевников, оставивших каменные курганы, в прохоровском культурогенезе следует считать минимальным, поскольку в погребальном обряде сарматской элиты, который являлся концентрированным выражением всей системы социально-идеологического мироустройства номадов, сколько-нибудь заметное использование камня не зафиксировано.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Искренне признателен Ф.А. Сунгатову за консультации по данному вопросу и разрешение опубликовать этот материал.

² В этой статье, к сожалению, вкралась ошибка, и горшок фигурирует, как происходящий из кургана 8 Сибайского I могильника.

³ Я отсутствовал во время раскопок кургана и основные черты погребального обряда были реконструированы Г.Н. Гарустовичем по полевым планам и его воспоминаниям в 2002 году.

⁴ Название типа «ирендыкско-крыктинская группа кочевников», на мой взгляд, более приемле-

мо для исторического или этнографического объединения номадов. В археологическом отношении для соответствия материала и его предполагаемого содержания необходимо введение такого дефиниционного признака, как «памятники» или «курганы». В этом случае наименование «ирендыкско-крыктинская группа памятников/курганов кочевников...» будет более корректным.

⁵ В реальности к настоящему времени из 25-ти раскопанных курганов (29 погребений) только 18 могут быть привлечены для этнокультурных реконструкций. Такие памятники, как Давлетшино (кург. 1), Мунтаевский, Гадельша IV (курган 2), Давлетово III, Тепяново, Юмаш-Тау-5, Ивановский V, должны быть исключены из этой выборки, поскольку их погребальный обряд представлен во фрагментированном состоянии. Аргументы в виде подъемного материала, случайных находок, безинвентарных погребений, или визуально-интуитивного (не подтвержденного раскопками) определения культурно-хронологических позиций памятников, не могут приниматься всерьез.

⁶ В «миру» этот памятник, расположенный всего лишь в 500 м к северо-западу от д. Татлыбаево, Баймакского района, на возвышенности Ызма-тау, может носить более благозвучное и менее труднопроизносимое название, типа Татлыбаевский I одиночный курган.

⁷ Мне представляется, что нижняя дата этого памятника несколько завышена авторами публикации [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 63].

⁸ Курган 2 могильника Улек-Хазы-1, известный из работ Н.С. Савельева, как восьмиугольный, да еще и купольный мавзолей, может быть датирован по наконечнику стрелы в рамках V–IV вв. до н.э. Памятник ограблен и не является закрытым комплексом, что делает его уязвимым для этнокультурных интерпретаций, так как допускает наличие разновременных погребений, одно из которых разрушило другое. К сожалению, этот «эпохальный» комплекс-мавзолей до сих пор, как обычно, не опубликован (хотя был раскопан в 2010 г.), что, в свою очередь, приводит к появлению тревожных мыслей о его реальном существовании, по крайней мере в том виде, в котором он заявлен. В любом случае, для доказательства именно купольной формы данного архитектурного сооружения Н.С. Савельев должен представить проверяемую реконструкционную методику, что является одним из основных принципов научности.

⁹ В ссылке на курганы Манхар нет ни слова о кварцевой дресве в примеси сосудов [Савельев, 2000б, рис. 1, 1, 4, 2, 1, 5].

¹⁰ Я глубоко признателен В.А. Иванову за возможность использовать этот материал и право на его дальнейшую и полноценную публикацию.

¹¹ В этой связи следует коротко остановиться на кургане из могильника Черемуховый овраг, который уже известен в литературе, как курган 1 Верхне-Кардаиловского VIII могильника [Васильев, 1998, с. 26, рис. 1, 1]. В научном отчете В.А. Иванова он фигурирует, как курган 2 Верхне-Кардаиловской IV группы, расположенной в 1 км к СВ от с. Верхне-Кардаилово Кваркенского района Оренбургской области [Иванов, 1993]. Здесь под каменной наброской насыпи было расчищено два каменных кольца овальной формы размером 8 × 6 м, внутри которых обнаружено семь кострищ-жертвенников и исследовано пять погребений, два из которых (1 и 4) носят условный характер, так как представляют собой скопления костей животных, часть человеческого черепа, керамики, угля, золы, находки зеркала с закраиной и бронзовый наконечник стрелы. Реконструкция погребального обряда представляется чрезвычайно сложной, но можно уверенно говорить, что подобное погребение 5, где были найдены жертвенник ладьевидной формы и зеркало с бортиком и петлей на обороте, не связано с другими комплексами этого кургана.

¹² На мой взгляд, следует ограничиться словом «склеп» и отказаться от излишней помпезности. Более совершенные архитектурные и монументальные сооружения, типа Тубежик-2, Баскудук-5 или Баланды-2, которые, вероятно, так впечатлили Н.С. Савельева, на сарматских летовках можно найти лишь при условии наличия глубокой концептуальной мотивированности. Даже у могущественных степных семей, захороненных в Филипповском могильнике, хватило сил и ресурсов лишь на то, чтобы соорудить только земляные, погребальные, полые конструкции, которые, возможно, и копировали аналогичные памятники Мангышлака и нижней Сырдарьи.

¹³ У Н.С. Савельева фигурируют три случая встречаемости каменных «склепов-мавзолеев», однако, где именно, не отмечено. В сущности, это может быть любой памятник, введенный в научный оборот автором выделения ирендыкско-крыктинской группы [Савельев, 2006а, с. 80], поскольку фрагментарный уровень его публикаций заставляет предполагать именно такой вариант. По этой причине я не рискую включить в этот список и курган 2 могильника Улек-Хазы-1, так как никому не известно, что мы получим в итоге после его полной публикации, если она состоится.

¹⁴ Совершенно беспомощными выглядят попытки ограничить территорию кочевых ареалов строго по условным границам расположения курганных могильников, и тем более «рисовать» некие «мертвые зоны» между номадами и оседлыми племенами [Овсянников, 2009, с. 145].

¹⁵ Обзор 10 представленных памятников показывает, что пять из них (Атиково 1, Акбута 2, Чу-

юнчи-Чупаново, Крепостной Зилаир) можно отнести к поселенческим лишь при большой фантазии, поскольку они являются или обычными местонахождениями, или неопределяемыми в культурном отношении (Шульганово 5). Обстоятельства попадания в слой других комплексов, немногочисленных находок керамики эпохи раннего железного века неизвестны, однако наиболее правдоподобное их объяснение – «металлургические» или охотничьи маршруты непосредственных производителей этой посуды, населения гафурийских городищ.

¹⁶ Появление решетчатого, переносного жилища (юрты), способа его завьючивания, как и других кочевнических изобретений (стремян, жесткого седла), относят к середине I тыс. н.э. [Вайнштейн, 1976, с. 46; Масанов, 1995, с. 45].

¹⁷ Поселение сакского времени Майлыбай-1 определено по керамической примеси фрагментов от 5 сосудов и фрагменту орнаментированного шестого сосуда, который вообще не имеет никакого отношения к сакскому комплексу [Савельев, 2015б, с. 247–249]. Топографические особенности этого многослойного памятника, однако, позволили Н.С. Савельеву сделать предположение о долговременном (?) существовании «поселения» в эпоху раннего железа. То же самое можно говорить и о недоисследованном комплексе Улак-6, который получил «статус» кочевнического поселения на основании находок 9-ти фрагментов керамики, два из которых (один неорнаментированный) близки к кеноткелю, а остальные семь – к ранней прохоровке.

¹⁸ Предположение Л.А. Краевой о существовании у кочевников-сарматов собственного и профессионального гончарного производства не представляется мне полностью очевидным, хотя бы потому, что автор исследовала лишь технологический процесс, но не объяснила механизм такого рода хозяйственной деятельности [Краева, 2011, с. 59]. Если это был «штатный» гончар определенной кочевой патронимии, то почему он делал посуду по образцу оседлых племен зауральского происхождения? Если это был керамический центр(ы), обслуживающий более широкую кочевую группу, то где его следы? Представляется особенно важным заключение Л.А. Краевой о возможности изготовления кочевниками низкокачественной посуды, обожженной при низких температурах, предназначенной только для погребений [Краева, 2015, с. 94], причем создается впечатление, что это и есть аутентичная кочевническая керамика, которая символизировала дорогостоящую бронзовую посуду. Впрочем, совершенно очевиден вотивно-однообразный (односезонный) характер использования керамики, получаемой в результате торговли или обмена с оседлыми племенами на северной границе степи

(иначе ее бы не помещали в погребение), которая в силу своей технологической примитивности и хрупкости находила применение преимущественно на летовках, проигрывая во всех отношениях традиционной кочевнической посуде, сделанной из дерева, кожи и металла, способной выдержать частые перекочевки, в том числе и на большие расстояния.

¹⁹ Например, В.Н. Ягодин предполагает, что городище Большая Айбугир-кала могло быть местом торговых контактов хорезмийского населения и кочевников савромато-сарматского времени [Ягодин, 1982, с. 77–78].

²⁰ В этой связи попытки реконструкции этнокультурной карты степной части региона с помощью «керамических» манипуляций, без четкого разделения самой керамики на собственно кочевническую и заимствованную, надо признать безуспешными и бесперспективными.

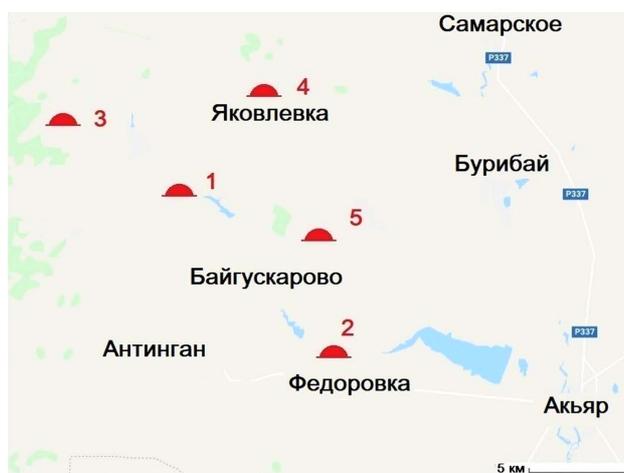
²¹ Вероятно, в пользу идеи о беспричинной седентаризации номадов в качестве косвенного аргумента должно послужить утверждение некоторых исследователей о возможности «брачных» отношений между сарматами и оседлым населением правобережья р. Белой [Савельев, 2000а, с. 38; 2019б, с. 40; Овсянников, 2009, с. 145; 2014, с. 177; Воробьева, 2014, с. 62]. Однако такое предположение не находит подтверждения в исторических и этнографических источниках в принципе и не должно рассматриваться всерьез, поскольку противоречит нормам обычного права потестарного кочевого общества. Результатом подобной «дальней» экзогамии является неизбежная делегитимизация потомства в глазах всей патронимии (исключая, разумеется, слу-

чай династических союзов) и «обнуление» родословной нуклеарной семьи, поколенческая многоступенчатость которой имела очень большое значение в жизни кочевых обществ. Другими словами, женщина из противоположной цивилизационной среды могла оказаться в степном кочевье или в качестве наложницы-домашней рабыни, или невольницы на продажу-обмен, а это уже другой общественный институт.

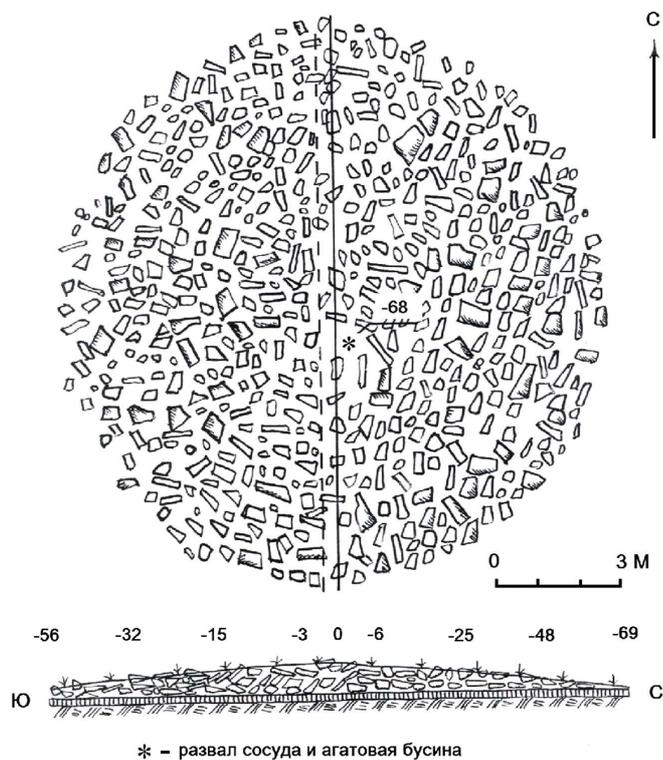
²² Переправа скота через р. Белую в районе ее излучины (как и по притокам ее бассейна) не представляла особой трудности, а для вооруженного всадника река вообще не являлась серьезной преградой на всем ее протяжении.

²³ Автором идеи о седентаризации сармат в северной, маргинальной зоне, можно считать К.Ф. Смирнова, на авторитет которого, кстати, и ссылается Н.С. Савельев [Савельев, 1998, с. 53]. На основании находок вещей, выполненных в зверином стиле, керамических форм и орнаментов К.Ф. Смирнов не исключил возможность оседания и смешения отдельных сарматских групп с местным, оседлым населением [Смирнов, 1964, с. 272], позднее он же писал об этом уже в утвердительной форме. По его мнению, илехские сарматы были кочевниками, а номады бассейна р. Белой, под влиянием лесостепных племен, переходили к оседлому и полuosедлому образу жизни [Смирнов, 1975, с. 172, 175; 1984, с. 117]. Однако взаимооборот предметов материальной культуры между двумя пограничными группами населения не является доказательством изменения хозяйственного уклада, а лишь свидетельствует о наличии, характере и интенсивности экономических связей.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1

2

Рис. 1:

1 – карта-схема расположения археологических памятников (1 – Ивановка V; 2 – Усть-Дергамыш; 3 – Ивановка I; 4 – Яковлевка; 5 – Переволочан);
2 – план и профиль Ивановского V кургана (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 1:

1 – a schematic map of the location of archaeological sites (1 – Ivanovka V; 2 – Ust-Dergamysh; 3 – Ivanovka I; 4 – Yakovlevka; 5 – Perevolochan);
2 – plan and profile of Ivanovskiy V kurgan (drawings by V.N. Vasilev)

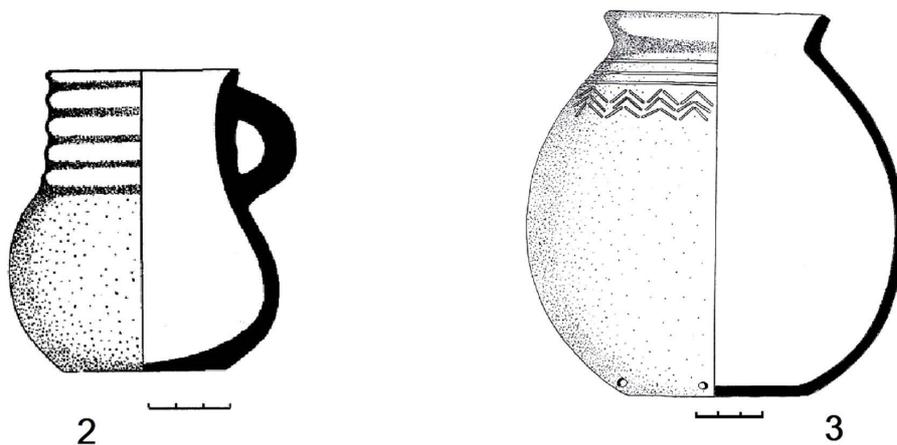
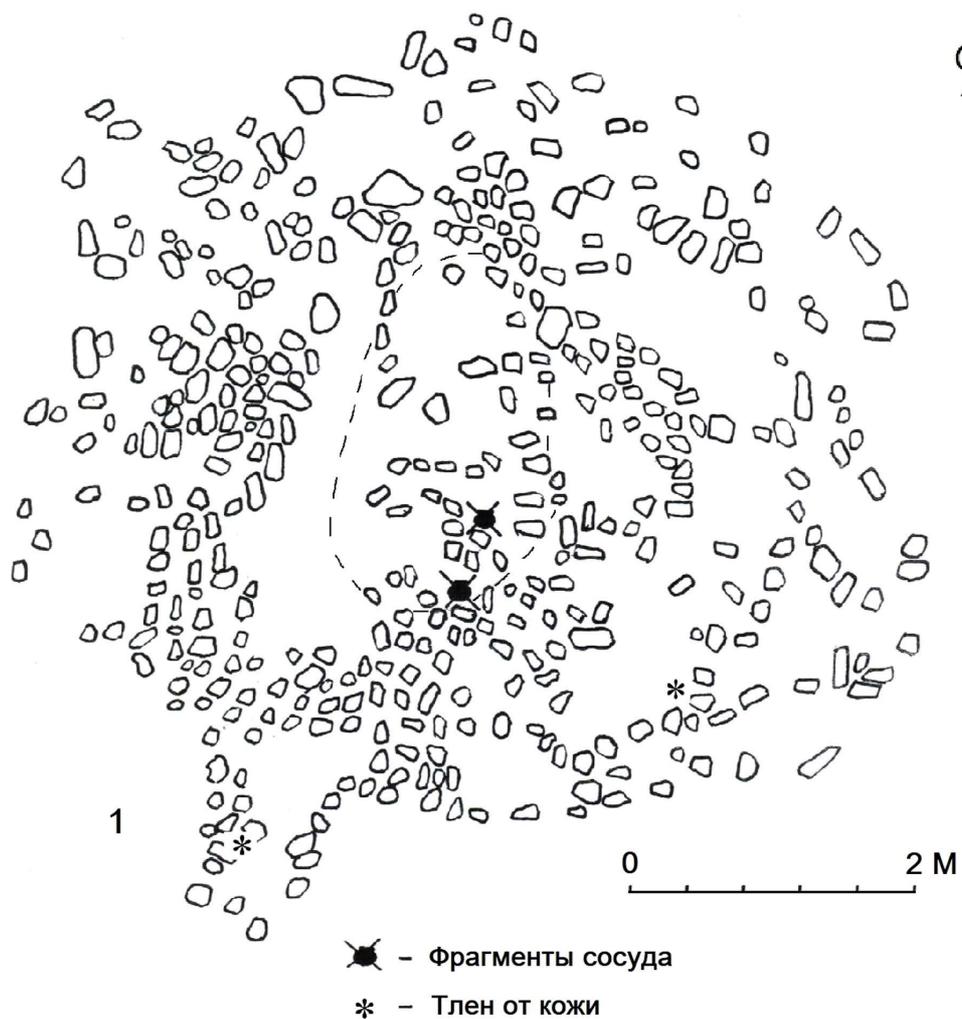

Рис. 2:

1 – план кургана Усть-Дергамыш; 2 – сосуд из кургана Ивановка V;
3 – сосуд из кургана Усть-Дергамыш (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 2:

1 – plan of the Ust-Dergamysh kurgan; 2 – a vessel from the Ivanovka V kurgan;
3 – a vessel from the Ust-Dergamysh kurgan (drawings by V.N. Vasilev)

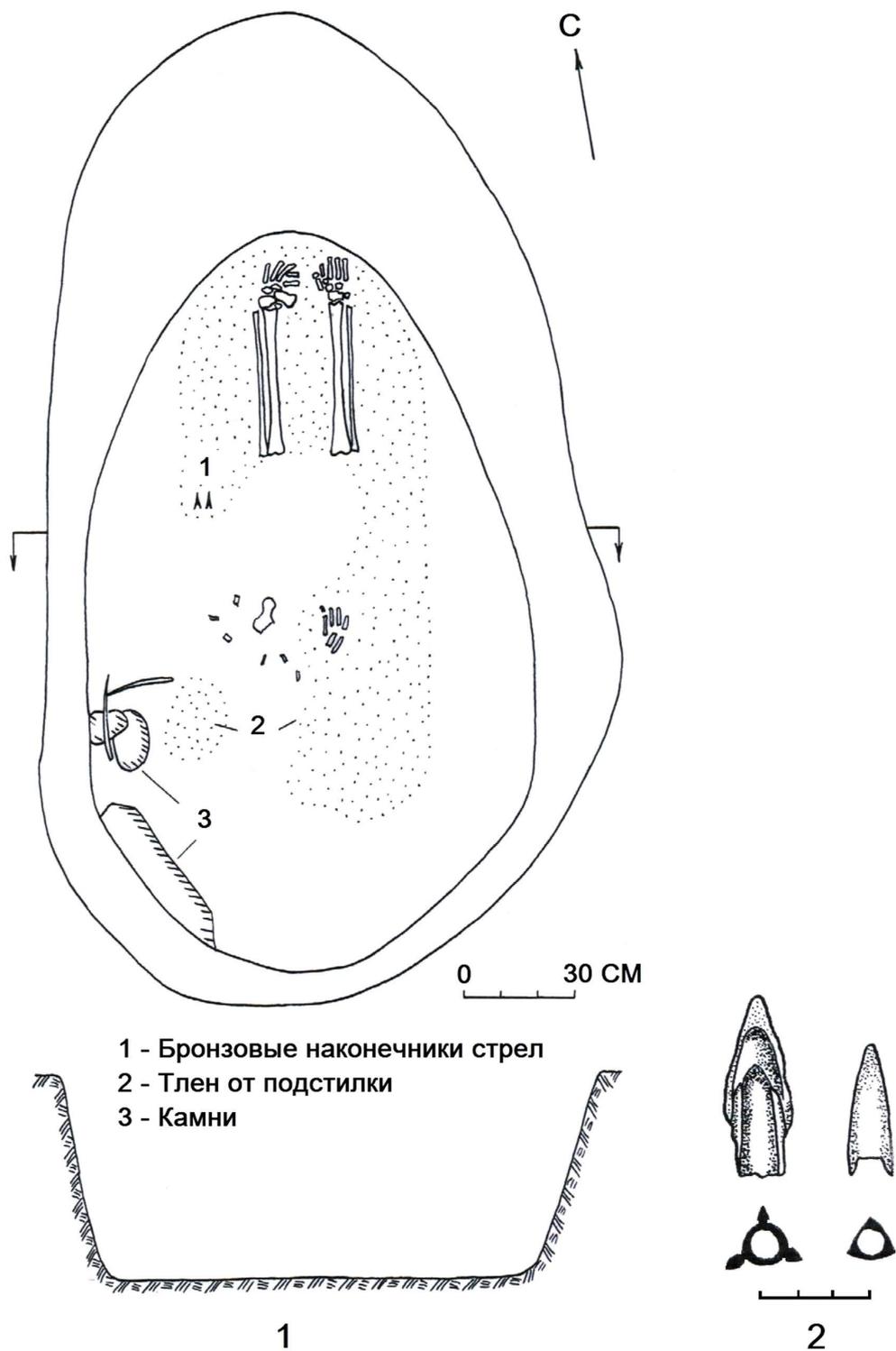

Рис. 3:

1 – план погребения из кургана Усть-Дергамыш; 2 – наконечники стрел из погребения кургана Усть-Дергамыш (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 3:

1 – burial plan from the Ust-Dergamysh kurgan; 2 – arrowheads from the burial of the Ust-Dergamysh kurgan (by V.N. Vasilev)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А. З., 2016. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 18, № 3. С. 146–152.
- Бейсенов А. З., 2018. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (27). С. 386–396.
- Бытковский О. Ф., 1998. Савроматские погребения Новотроицкого I могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 120–126.
- Бытковский О. Ф., 2013. Поселение раннесакского времени в Оренбургском Зауралье // Современные тенденции в образовании и науке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. Тамбов. С. 19–21.
- Вайнштейн С. И., 1976. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. № 4. С. 42–62.
- Васильев В. Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 31–36.
- Васильев В. Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 25–43.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., Сиротин С. В., 2004. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 173–180.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилровка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал (Online). № 4 (32). С. 90–111. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.
- Воробьева С. Л., 2014. Взаимоотношения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 54–65.
- Гаврилюк Н. А., 2005. Степная Скифия: палеоэкономический подход // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета. С. 34–64.
- Гарустович Г. Н., 2000. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 123–128.
- Гуцалов С. Ю., 2011. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V в. до н.э. : истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России : сб. ст. Вып. 3. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 88–104.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Восточная литература РАН. 159 с.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука. 96 с.
- Иванов В. А., Фалалеев А. В., Ягофарова И. М., 1989. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа : БНЦ УрО АН СССР. С. 120–126.
- Иванов В. А., 1993. Отчет о раскопках курганных могильников в верховьях р. Урал в 1992 г. // Архив ИА РАН. № 17384. С. 1–43.
- Иванов В. А., 2017. Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 50–55.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2009. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 118–126.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV в. до н.э. на Южном Урале // Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. 3. Уфа : Белая река. 223 с.

- Крадин Н. Н., 1992. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Даль-наука. 240 с.
- Крадин Н. Н., 2007. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс. 416 с.
- Краева Л. А., 2011. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). С. 51–60.
- Краева Л. А., 2015. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. № 3 (12). С. 90–100.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. № 4. С. 3–17.
- Левина Л. М., 1992. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 61–72.
- Мамедов А. А., Китов Е. П., 2015. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека по материалам могильника Сапидулак // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 6 (304). С. 19–60.
- Мандельштам А. М., 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // Краткие сообщения института археологии. Вып. 147. С. 21–26.
- Марков Г. Е., 2010. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М. : Красанд. 318 с.
- Масанов Н. Э., 1995. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт. 320 с.
- Мошкова М. Г., 1961. Сарматские курганы Оренбургской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 83. С. 115–125.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Материалы и исследования по археологии. № 153. М. : Наука. С. 27–48.
- Овсянников В. В., 2009. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 144–156.
- Овсянников В. В., 2014. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских и Бишунгаровских курганов) // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 168–177.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Древние святилища Устюрта и Восточного Приуралья. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 320 с.
- Ракушин А. И., 2006. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XV вв.) // Археология восточноевропейской степи. Вып. 4. Саратов : Научная книга. С. 214–239.
- Рафикова Я. В., Федоров В. К., 2017. Курганы Южного Зауралья. Кн. I. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап. 244 с.
- Савельев Н. С., 1998. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 53–57.
- Савельев Н. С., 2000а. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н. С., 2000б. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 41–52.
- Савельев Н. С., 2003. Горно-долинные ландшафты хребта Ирэндык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур : материалы Всерос. науч. конф. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. С. 15–16.
- Савельев Н. С., 2006а. Ирэндыкско-крыктинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III Регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. С. 80–83.
- Савельев Н. С., 2006б. Курганы эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 92–104.

- Савельев Н. С., 2007. Поселение раннесакского времени Улек-Хазы-2 в горно-степной зоне Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 93–98.
- Савельев Н. С., 2015а. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 62–84.
- Савельев Н. С., 2015б. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 246–254.
- Савельев Н. С., 2017. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 17. С. 18–38.
- Савельев Н. С., 2019а. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 55–62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62).
- Савельев Н. С., 2019б. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 300 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М. : Изд-во АН СССР. 163 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 379 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 3–51.
- Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука. 184 с.
- Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф., 1995. Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Вып. 1. Уфа : Национальный музей Республики Башкортостан. С. 58–63.
- Таиров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : ООО «Фирма НСС». С. 3–21.
- Таиров А. Д., 2006. Саки Приуралья в степях Южного Приуралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 76–91.
- Таиров А. Д., 2017. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья VIII–VI вв. до н.э. // Материалы и исследования по культурному наследию. Т. VIII. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 392 с.
- Ушаков А. М., 2013. Символизация коня в погребальном ритуале ранних кочевников Южного Урала в V–IV вв. до н. э. // Вестник Южно-Уральского ГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 13, № 1. С. 64–70.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ. 276 с.
- Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Гылым. 170 с.
- Ягодин В. Н., 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приуралья. Вып. I. Ташкент. С. 39–81
- Ягодин В. Н., 2008. Кочевники и Хорезм в Приуральском микрорайоне в IV–III вв. до н.э. – IV–V вв. н.э. // Археология Приуралья. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Вып. VII. Ташкент : ФАН. С. 116–124.

REFERENCES

- Beisenov A.Z., 2016. Rannesakskie poseleniya bliz gory Edirey v Central'nom Kazahstane [Early Saka Settlements Near the Mount Yedirey in Central Kazakhstan]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 18, no. 3, pp. 146-152.

- Beisenov A.Z., 2018. Tasmolinskaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana v issledovaniyah nachala XXI veka [Tasmola Monuments of Central Kazakhstan in Studies of the Beginning of the XXIst Century]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], iss. 2 (27), pp. 386-396.
- Bytkovskiy O.F., 1998. Savromatskie pogrebeniya Novotroitskogo I mogilnika [Savromatians Graves of Novotroitsky I Kurgan Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], vol. 2. Orenburg, OSPU, pp. 120-126.
- Bytkovskiy O.F., 2013. Poselenie rannesakskogo vremeni v Orenburgskom Zaurale [Settlement of the Early Saka Time in the Orenburg Trans-Urals]. *Sovremennye tendentsii v obrazovanii i nauke: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Trends in Education and Science. Materials of the Int. Scient. and Pract. Conf.], part 3. Tambov, pp. 19-21.
- Vaynshteyn S.I., 1976. Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Problems of the History of the Dwelling of the Steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 4, pp. 42-62.
- Vasilev V.N., 1984. Novye dannye o kamennykh kurganah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [New Data on Stone Kurgans of Early Nomads of the Southern Urals]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the South Urals]. Ufa, BFAS USSR, pp. 31-36.
- Vasilev V.N., 1998. K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikah kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Question of the Sarmatian Stone Altars of the Nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 1, pp. 25-43.
- Vasilev V.N., 2004. K khronologii ranneprohorovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 153-172.
- Vasilev V.N., Sirotin S.V., 2004. Novo-Musinskiy 3 kurgan [Kurgan from Novo-Musino]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 173-180.
- Vasilev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyakh sela Verkhnyaya Kardailovka na r.Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k khronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Mounds in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th Century B.C.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic Scientific Journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90-111. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.
- Vorobyeva S.L., 2014. Vzaimootnosheniya kara-abyzskoy kultury s kochevnikami Yuzhnogo Urala v IV–III vv. do n.e. [Mutual Relations of the Population of the Kara-Abyz Culture with Nomads of Southern Urals in the IV–IIIrd Centuries B.C.]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 14, pp. 54-65.
- Gavrilyuk N.A., 2005. Stepnaya Skifiya: paleoekonomicheskiy podhod [Steppe Scythia: Paleoeconomical Approach]. *Social'naya struktura rannih kochevnikov Evrazii* [Social Structure of Early Nomads in Eurasia]. Irkutsk, Irkutsk State University, pp. 34-64.
- Garustovich G.N., 2000. Pogrebeniya perekhodnogo perioda ot epohi bronzy k rannemu zheleznomu veku v Bashkirskom Zaurelye [Burials of the Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 2, pp. 123-128.
- Gucalov S.Yu., 2011. Pogrebalnyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priuralya v konce VI – V v. do n.e.: istoki [The Funeral Rite of the Nomads of the Southern Urals at the End of the VI - V Centuries BC.: Origins]. *Pogrebalnyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Burial Ritual of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on Archeology of the South of Russia], vol. 3. Rostov-na Donu, SSC RAS, pp. 88-104.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergacskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI-II Centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 159 p.
- Ivanov V.A., Kriger V.A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Kurgans of the Kypchak Time in the South Urals (XII–XIV Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 96 p.
- Ivanov V.A., Falaleev A.V., Yagofarova I.M., 1989. Novye pamyatniki rannih kochevnikov v Yuzhnom Priuralye [New Monuments of Early Nomads in the Southern Urals]. *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya* [Materials on the Bronze Age and Early Iron Age of the Southern Urals and the Lower Volga Region]. Ufa, BSC UrBAS USSR, pp. 120-126.

- Ivanov V.A., 1993. Otchet o raskopkah kurgannyh mogilnikov v verkhovyah r. Ural v 1992 g. [Report on the Excavation of Kurgans in the Upper Reaches of the River. Ural in 1992]. *Arkhiv IA RAS*, no. 17384, pp. 1-43.
- Ivanov V.A., 2017. Arheologiya sarmatskogo vliyaniya na kulturu lesnyh plemen Yuzhnogo Urala: istochniki i ih interpretaciya [Archeology of the Sarmatian Influence on the Culture of the Forest Tribes of the Southern Urals: Sources and Their Interpretation]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment. Proceedings of VII All-Russia (with International Participation) Scient. Conf.]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 50-55.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2009. Tulubay. Savromato-sarmatskiy sklep v Zauralye [Tulubay. The Sarmatian Crypt in the Transural]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 9, pp. 118-126.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. Pamyatniki yaikoy kultury posledney chetverti V-IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the V-IV Centuries BC in the Southern Urals]. *Materialy ohrannykh raskopok i issledovaniy po arheologii Yuzhnogo Urala* [Materials of Protective Excavations and Research of Archeology of the Southern Urals], vol. 3. Ufa, Belaya Reka Publ. 223 p.
- Kradin N.N., 1992. *Kochevye obshchestva (problemy formacionnoy karakteristiki)* [Nomadic Societies (Problems of Formational Characteristics)]. Vladivostok, Dalnauka Publ. 240 p.
- Kradin N.N., 2007. *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty, Dayk-Press Publ. 416 p.
- Kraeva L.A., 2011. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki iz pogrebeniy rannesarmatskoy kultury Yuzhnogo Priuralya [Technology of Making Ceramics from Burials of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 4 (48), pp. 51-60.
- Kraeva L.A., 2015. Bytovoe i sakralnoe ispolzovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priuralya i Zapadnogo Kazahstana [Household and Sacred use of Ceramics Among the Sarmatians of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], no. 3 (12), pp. 90-100.
- Levin M.G., Cheboksarov N.N., 1955. Hozyaystvenno-kulturnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and Cultural Types and Historical and Ethnographic Areas]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 4, pp. 3-17.
- Levina L.M., 1992. Pamyatniki dzhetyasarskoy kultury serediny I tys. do n.e. [Monuments of the Jetyasar Culture of the Middle of the 1st Millennium BC]. *Stepnaya polosnaya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ., pp. 61-72.
- Mamedov A.A., Kitov E.P., 2015. Pogrebalnyy obryad rannih kochevnikov verhnego Iлека po materialam mogilnika Sapibulak [Funeral Ceremony of Early Nomads from the Top Ilek (on the Materials of the Kurgan Cemetery Sapibulak)]. *Izvestiya Nacionalnoy akademii nauk Respubliki Kazahstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], no. 6 (304), pp. 19-60.
- Mandelshtam A.M., 1976. K karakteristike pamyatnikov rannikh kochevnikov Zakaspiya [On the Characteristics of Monuments of Early Nomads of Transcaspia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], iss. 147, pp. 21-26.
- Markov G.E., 2010. *Kochevniki Azii. Struktura hozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of the Economy and Social Organization]. Moscow, Krasand Publ. 318 p.
- Masanov N.E., 1995. *Kochevaya civilizatsiya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of Kazakhs (Fundamentals of Vital Activity of a Nomadic Society)]. Almaty, Sotcinvest Publ., Moscow, Gorizont Publ. 320 p.
- Moshkova M.G., 1961. Sarmatskie kurgany Orenburgskoy oblasti [Sarmatian Kurgans in the Orenburg Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], iss. 83, pp. 115-125.
- Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogilnika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumaksky Kurgan Cemetery Near Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priuralya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian Times]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Ovsyannikov V.V., 2009. Opyt vydeleniya zon aktivnogo vzaimodeystviya osedlogo i kochevogo naseleniya Preduralya v savromato-sarmatskuyu epokhu [Experience of Allocation of Zones of Active Interaction of Settled and Nomadic Population Antearals During the Savromato-Sarmatian Epoch]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 9, pp. 144-156.

- Ovsyannikov V.V., 2014. Obshchie elementy v pogrebalnom obryade i inventare naseleniya karaabyzskoy kultury i sarmat lesostepi Yuzhnogo Preduralya (po materialam Shipovskikh, Staro-Kiishkinskikh i Bishungarovskikh kurganov) [Common Elements in the Funerary Rites and Inventory of the Kara-Abyz Culture Population and Sarmatians of the South Steppes of the Ural Foothills (On Materials of the Shipovo, Starye Kiishki and Bishungarovo Mounds)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 14, pp. 168-177.
- Ongaruly A., Olkhovskiy V., Astafyev A., Darmanov R., 2017. *Drevnie svyatilishchya Ustyurta i Vostochnogo Priaralya* [Ancient Sanctuaries of Ustyurt and Eastern Aral Sea]. Almaty, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. 320 p.
- Rakushin A.I., 2006. Kochevye ulusy Zolotoy Ordy (po materialam kurgannykh mogilnikov Nizhnego Povolzhya XIII–XV vv.) [Nomadic Uluses of the Golden Horde (Based on Materials from the Kurgans of the Lower Volga Region of the 13th-15th Centuries)]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe], vol. 4. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 214-239.
- Rafikova Ya.V., Fedorov V.K., 2017. *Kurgany Yuzhnogo Zauralya. Kn. I. Uchalinskiy i Abzelilovskiy rayony Respubliki Bashkortostan* [The Southern Trans-Ural Kurgans. Book 1. Uchalinskiy and Abzelilovskiy Districts of the Bashkortostan Republic]. Ufa, Kitap Publ. 244 p.
- Savelev N.S., 1998. K voprosu o poselencheskikh pamyatnikakh rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Question of the Settlement Monuments of the Early Nomads of the South Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 1, pp. 53-57.
- Savelev N.S., 2000a. Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prokhorovskoy kultury [Stone Mounds of the Eastern Foothills of the South Urals and Some Issues of the Prokhorov Culture Formation]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 2, pp. 17-48.
- Savelev N.S., 2000b. Kurgany Baishevskoy doliny v kontekste kulturogeneza rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Mounds of the Baishevskoe Valley in the Context of the Cultural Genesis of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii». Vyp. 1* [Early Sarmatian culture: Formation, Development and Chronology. Proceedings of the 4th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Samara, SSC RAS, pp. 41-52.
- Savelev N.S., 2003. Gorno-dolinnye landshafty hrebta Irendyk kak faktor sohraneniya etnokulturnykh izolyatov v epohu rannih kochevnikov [Mountain-Valley Landscapes of the Irendyk Ridge as a Factor in the Preservation of Ethnocultural Isolates in the Early Nomads Era]. *Chelovek v prostranstve drevnih kultur: materialy Vseros. nauch. konf.* [Man in the Space of Ancient Cultures. Materials of All-Russian Scien. Conf.]. Chelyabinsk, CSU, pp. 15-16.
- Savelev N.S., 2006a. Irendyjsko-krykhtinskaya gruppa kochevnikov Yuzhnogo Urala: kriterii vydeleniya i poiskovye priznaki pamyatnikov [The Irendyk-Krykhta Group of Nomads of the Southern Urals: Criteria for Identification and Search Signs of Monuments]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy III Region. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the III Regional (with International Participation) Scien. and Pract. Conf.]. Chelyabinsk, CSU, pp. 80-83.
- Savelev N.S., 2006b. Kurgan epohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnykh predgoryah hrebta Irendyk [Kurgan of the Early Nomads Era Kushalykuak-1 in the Eastern Foothills of the Irendyk Ridge]. *Yuzhnyy Ural i sosednyye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Ural and Adjacent Regions in Scythian-Sarmatian Time. The Collected Papers to the 70th Anniversary of Anatoliy Haritonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 92-104.
- Savelev N.S., 2007. Poselenie rannesakskogo vremeni Ulek-Hasy-2 v gorno-stepnoy zone Yuzhnogo Zauralya [Settlement of the Early Saka Time Ulek-Khazy-2 in the Mountain-Steppe Zone of the Southern Trans-Urals]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], vol. 8. Orenburg, OGPU, pp. 93-98.
- Savelev N.S., 2015a. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoy chasti gorno-lesnoy zony Yuzhnogo Urala [Settlement Monuments of Scythian-Sarmatian Time Nomads in Southern Mountain and Forest Area of South Ural]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 15, pp. 62-84.
- Savelev N.S., 2015b. Poseleniya rannesakskogo vremeni Yuzhnogo Zauralya [Settlements of the Early Saka Time of the Southern Trans-Urals]. *Sakskaya kultura Saryarki d kontekste izucheniya etnosotciokulturnykh*

- processes stepnoy Evrazii* [Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying the Ethnosocial and Cultural Processes of the Steppe Eurasia]. Almaty, NITcIA “Begazy-Tasmola”, pp. 246-254.
- Savelev N.S., 2017. O proiskhozhdenii ubalarskogo kulturnogo tipa v lesostepi Yuzhnogo Priuralya [A Contribution to the Origin of Ubalar Cultural Type in the Forest-Steppe of Southern Cisurals]. *Ufimskiy arkhеologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 17, pp. 18-38.
- Savel'ev N.S., 2019a. Detskie pogrebeniya kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny I tys. do n.e. [Child Burials of the South Urals Nomads of the Mid-First Millennium BC]. *Uralskiy istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], no. 1 (62), pp. 55-62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62).
- Savelev N.S., 2019b. Yuzhnyy Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na krainem vostoке Evropy [Southern Urals in the I Millennium BC as a Special Contact Zone in the Far East of Europe]. *Ufimskiy arkhеologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 19, pp. 39-50.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov University. 300 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Weapons of the Sauromatian]. Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR. No 101. Moscow. 163 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kultura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 379 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on the Ilek River]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannih kochevnikov [The Orsk Kurgans of Early Nomads]. *Issledovaniya po arkhеologii Yuzhnogo Urala* [Research in the Archeology of the South Urals]. Ufa, BF AS USSR, pp. 3-51.
- Smirnov K.F., 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gosподstva v Skifii* [The Sarmatians and Establishment of their Political Reign in the Scythia]. Moscow, Nauka Publ. 184 p.
- Sungatov F.A., Safin F.F., 1995. Issledovaniya kurgannykh mogilnikov v Zauralye v 1991 g. [Investigation of Kurgans in the Trans-Urals in 1991]. *Nasledie vekov* [The Legacy of the Ages], vol. 1. Ufa, NM RB, pp. 58-63.
- Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals 7-2 Centuries BC]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkhеologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports Int. Conf. “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, OOO “Firma HCC”, pp. 3-21.
- Tairov A.D., 2006. Saki Priuralya v stepyakh Yuzhnogo Priuralya (po materialam mogilnika Marovyy Shlyah) [Saki of the Aral Sea Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (on the Materials of Kurgan Marovyy Shlykh)]. *Yuzhnyy Ural i sopredelnye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Ural and Adjacent Regions in Scythian-Sarmatian Time. The Collected Papers to the 70th Anniversary of Anatoliy Haritonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.
- Tairov A.D., 2017. Rannie kochevniki Zhayyk-Irtyshskogo mezhdurechya VIII–VI vv. do n.e. [Early Nomads of the Zhayyk-Irtysh Interfluvium in VIII–VI cc. BC]. *Materialy i issledovaniya po kulturnomu naslediyu* [Cultural Heritage: Materials and Researches]. Vol. VIII. Astana, Kazakh Research Institute of Culture. 392 p.
- Ushakov A.M., 2013. Simvolizatsiya konya v pogrebalnom rituale rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala v V–IV vv. do n.e. [Symbolization of a Horse in a Funeral Ritual of South Ural Early Nomads In V–IV Century B. C.]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo GU. Seriya «Socialno-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of South Ural State University. Humanities and Social Sciences Series], vol. 13, no. 1, pp. 64-70.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu zolotoordynskikh hanov* [East European Nomads under the Reign of Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 276 p.
- Habdulina M.K., 1994. *Stepnoe Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Ishim in the Early Iron Age]. Almaty, Gylym Publ. 170 p.
- Yagodin V.N., 1982. Arkhеologicheskoe izucheniye kurgannykh mogilnikov Kaskazhol i Berniyaz na Ustyurte [Archaeological Study of the Kaskazhol and Berniyaz Kurgan Cemeteries on Ustyurt]. *Arkhеologiya Priuralya* [Archeology of the Aral Sea Region], vol. I. Tashkent, pp. 39-81.
- Yagodin V.N., 2008. Kochevniki i Horezm v Priaralskom mikrorayone v IV–III vv. do n.e. – IV–V vv. n.e. [Nomads and Khorezm in the Aral Microdistrict in the IV–III Centuries BC. - IV–V Centuries AD]. *Arkhеologiya Priuralya. Kompleks arkhеologicheskikh obyektov na vozvysheynosti Krantau* [Archeology of the Aral Sea Region. A Complex of Archaeological Sites on the Krantau Upland], vol. VII. Tashkent, FAN Publ., pp. 116-124.

Information About the Author

Vitaliy N. Vasilev, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Bonn, Federal Republic of Germany, sarmat1963@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-5326>

Информация об авторе

Виталий Николаевич Васильев, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Бонн, Федеративная Республика Германия, sarmat1963@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-5326>